

Л.С. Выготский и его имя*

Б.Г. Мещеряков

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна»

Рассматриваются две загадки, связанные с отчеством и фамилией Л.С. Выготского. Обсуждаются мотивы замены прежнего отчества «Симхович» на «Семенович» и замены «Выгодский» на «Выготский». Обе замены произошли в интервале между 1917 и 1924 гг. Обращается внимание на ряд совпадений в биографиях Мартина Лютера и Льва Выготского, которые могли привлечь внимание последнего. Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что замена буквы в фамилии может быть объяснена попыткой Выготского преодолеть внутренний кризис, связанный с трагическими событиями в семье. Обосновывается методологическая позиция в исследовании жизненного пути личности, состоящая в том, что чем шире масштаб творческой личности, тем меньше шансов объяснить ее деятельность узко понимаемым контекстом, ограниченным семьей, религией, современниками и т. д.

Ключевые слова: Лев Семенович Выготский, контекст личности, психобиографическая антропонимика, антисемитизм, Мартин Лютер.

«Я помню твое гордое “hier stehe ich”...»
Из письма А.Н. Леонтьева (от 05.02.1932)

1. Круг проблем и методологические подходы к ним

Имя «Лев Семенович Выготский» отлично знакомо психологам и специалистам из смежных с психологией дисциплин. Своим рыцарским служением науке и огромным творческим вкладом в нее Л.С. Выготский (1896–1934) приобрел славу выдающегося психолога и то колоссальное внимание к его трудам и его биографии, которое проявляется в настоящее время в мировой психологии. Можно долго перечислять отрасли психологической науки, в которые он внес весомый вклад (например, психология искусства, психология мышления и психолингвистика, детская и педагогическая психология, педология и дефектология, этническая и культурно-историческая психология), но крайне показателен тот факт, что его влияние признается даже в тех отраслях, которые получили развитие после жизни Выготского (например, в когнитивной психологии и

«когнитивной науке»). В 1978 г. американский философ-методолог и историк науки Стефен Тулмин назвал Выготского «Моцартом в психологии» [11]. Это эффективное и запоминающееся сравнение пользуется большой популярностью, хотя оно — всего лишь литературный прием, опирающийся на довольно поверхностное биографическое сходство.

Несомненно, личность и жизнь Выготского представляют значительный интерес для психологии (и не только для нее); однако собственно биографических работ немного: за редким исключением (например: [1, 4]), биографические факты служат лишь иллюстративным фоном и средством для поддержания интереса к содержанию его научных трудов. Фундаментальным источником биографических сведений о Выготском является книга Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой [1], в которой приводятся личные воспоминания дочери, цитируются воспоминания друзей и коллег Выготского, воспроизводятся фрагменты его писем и документов, представлены

* Статья представляет собой переработанный вариант публикации с тем же названием в: Труды ун-та «Дубна». Гуманитарные и общественные науки: Сб. статей. Вып. 1. Дубна. 2000. С. 51–60.

исчерпывающие библиографические данные; не оставлены без внимания и многочисленные критические публикации по культурно-исторической теории Выготского. Книга содержит внушительный по объему материал, который прошел строгую проверку на правдивость в соответствии с выраженным в предисловии намерением Г.Л. Выгодской: «Мне хочется рассказать о своем отце правду» и «...очень хочется быть точной не только в изложении фактов, но и в деталях» [1, с. 19]. Все это позволяет читателю построить разносторонний, целостный и весьма обаятельный образ личности Выготского, понять и прочувствовать тесные связи между его биографией, творчеством, культурой и эпохой. Замечательным достоинством упомянутой книги является то, что она не насыщает интерес к Выготскому, а, напротив, усиливает и стимулирует желание продолжить изучение его творчества и биографических фактов.

Специально выделим и подчеркнем два важных методологических момента. Во-первых, для понимания исторической личности необходимо учитывать очень широкий контекст; ограничиваться узко понимаемой социальной средой и лишь «современной» эпохой здесь недостаточно и неправомерно. Чем шире мы будем рассматривать культурно-исторический контекст, тем более глубокие пласты личности нам могут открыться. В этом контексте даже мелкие, на первый взгляд, второстепенные факты могут приобрести совершенно новое, неожиданное и глубокое значение. Во-вторых, при изучении творческой личности непродуктивно и зачастую ошибочно полагать, что существуют заведомо малозначительные вопросы; любая деталь может стать ключевой и важной для понимания личности. Попытаемся проиллюстрировать сказанное на примере психобиографического исследования проблемы, связанной с отчеством и фамилией Выготского. Но прежде чем это делать, кратко рассмотрим различия между двумя направлениями исследований человеческих имен.

Собственные имена людей, индивидуальные и групповые (коллективные), исследует антропонимика (от греч. *anthropos* — человек + *onyma, onoma* — имя), т. е. один из разделов ономастики, изучающей всевозможные имена собственные. Иногда групповые имена (в частности, соционимы, этнонимы и генонимы) выносятся за рамки антропонимики (как будто они не являются именами людей!), но это не общепринято, не вполне логично и не совсем удобно (ведь никого не смущает, что физическая антропология изучает человеческие виды, расы, этносы и прочие макрогруппы людей). В методологическом плане современные антропонимические исследования индивидуальных имен по большей части имеют социально-эпидемиологический характер, т. е. основное внимание уделяется именам как массовым явлениям с определенным ареалом распространения в определенной социальной среде и в определенный исторический период. Помимо лингвистического анализа (например, этимологического) антропонимов иссле-

дователи выявляют статистические закономерности их возникновения, распространения, конкуренции, угасания, межпоколенной трансмиссии и трансформации и т. д. Необходимость изучать массовые явления предопределена самой природой номотетического исследования — его нацеленностью на познание общих закономерностей. Такой характер имеют, к примеру, труды классика советской ономастики В.А. Никонова (1904—1988), который не без гордости отмечал: «мои подсчеты охватили миллионы человек, по выборочным территориям» [7, с. 15].

Однако проблематика антропонимики не должна ограничиваться лишь массовыми именами. Большой интерес представляют сравнительно редкие и по своему уникальные случаи антропонимического творчества вполне конкретных личностей. Вспомним несколько примеров: Н.Н. Миклухо-Маклай, Лев Шестов, В.Г. Тан-Богораз, Э.Г. Эриксон и др. Изучение каждого такого случая требует идиографического исследования (*case-study*): знакомства с биографиями, генеалогиями, творчеством, причем, как было выше сказано, необходимо учитывать широкий культурно-исторический контекст, что, разумеется, выполнимо лишь при условии междисциплинарного подхода. При этом следует избегать того наивного заблуждения, будто идиографические исследования составляют особую самостоятельную науку, совершенно оторванную от номотетической науки. Направляющую роль в идиографических исследованиях обычно играют гипотезы, которые согласуются с общими психологическими или социологическими представлениями о формах и механизмах поведения личности, установленных в номотетической науке на материале массовых исследований (на худой конец, в нашем обобщенном жизненном опыте). Заметим, что ценность этих гипотез прямо не связана с тем, подтверждаются они или нет. С одной стороны, хорошо, если рассматриваемые частные случаи подтвердят известную закономерность, с другой стороны, не страшно, если все общие гипотезы будут опровергнуты: в конце концов, этим негативным результатом подтвердится творческий характер изучаемой личности и ее поведения. Рассмотренное направление можно условно назвать психобиографической антропонимикой.

2. Проблема отчества

В литературе о Выготском проблема его отчества, насколько мне известно, еще не ставилась. Можно сказать, что ее там нет. Ни Гита Львовна Выгодская, ни друг юности Льва Семеновича, С.Ф. Добкин, ее не ставят, хотя они аккуратно сообщают об известных им антропонимических деталях. На самом деле она есть, только ее упорно не видят, что тоже является еще одной проблемой. По-видимому, для психологии более интересна именно вторая проблема (т.е. игнорирование проблемы отчества), чем сама проблема отчества. Однако сначала о первой проблеме.

В книге Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой воспроизведены два любопытных документа Л.С. Выготского: «Удостоверение об окончании гимназии» [1, с. 34] и «Экзаменационная книжка студента юридического факультета Императорского Московского университета» [1, с. 36]. Если внимательно присмотреться, то нетрудно заметить, что в качестве отчества указано «Симхович», а не всем знакомое — «Семенович». Производящее имя, вероятно, было Симха (др.-евр. «радость, веселье»; ср.: праздник Симхат Тора, «Радость Торы»). Таким образом, факт состоит в том, что в молодости Выготский изменил свое отчество, трансформировав его в форму, которая входит в христианский ономастикон.

О мотивах этой трансформации прежде всего можно выдвинуть гипотезу общего (типологического) плана. Известно, что нередко российские евреи, опасаясь эксцессов бюрократического и бытового антисемитизма, брали псевдонимы (своего рода защитные имена). Сама собой напрашивается гипотеза, что и Выготский поступил подобным образом. (Здесь и далее мы будем говорить только о Выготском, хотя, конечно, в этой истории принимал участие и его отец.) Возникает вопрос, насколько значимой проблема антисемитизма была лично для Выготского? Каждый читатель легко ответит на этот вопрос, если представит себя на месте ребенка, пережившего в 7- и 9-летнем возрасте два страшных погрома с грабежами и зверскими убийствами. Напомню, что детство Выготского прошло в белорусском г. Гомеле, где в 1903 и 1905 гг. вспыхнули еврейские погромы (случаи не уникальные в истории России, включая и годы Гражданской войны после Октябрьской революции). Такие события глубоко отпечатываются в памяти на всю жизнь и, безусловно, влияют на развитие характера и мировоззрения личности.

Поэтому ничего удивительного нет в том, что в юношеские годы проблема антисемитизма стала для Л.С. Выготского одной из доминантных тем. Такой вывод можно сделать из знакомства с его самыми ранними публикациями в журнале «Новый путь». Например, в очерках «М.Ю. Лермонтов (К 75-летию со дня смерти)» и «Литературные заметки («Петербург», роман Андрея Белого)» Выготский высвечивает своего рода традицию презрительного отношения к евреям и стереотипного их изображения в произведениях классиков русской литературы. В очерке о М.Ю. Лермонтове сильное впечатление производят следующие слова: «Будущий историк еврейства в России, как перед загадкой, с недоумением остановится перед отношением русской литературы к еврею. И странно, и непонятно: выдвинувшая принципы гуманности, развивающаяся под знаком человечности, она так мало внесла человеческого в изображение жида; в нем художники не чувствовали человека» [2, с. 87]. Редкое исключение Выготский находит как раз в творчестве Лермонтова, да и то не во всем. Поэтому общий вывод (или диагноз) таков: «Традиция

русской литературы в еврейском вопросе грешила тяжело не только перед человечностью, перед ликом Божиим, отраженным в человеке, но и перед художественной правдой. Немезида мстит сурово» [2, с. 92]. Та же проблема анализируется Выготским в статье, посвященной роману А. Белого «Петербург». Обе статьи опубликованы в 1916 г. (Справедливости ради можно отметить, что никто не считает грехом и загадкой тот очевидный факт, что русские писатели значительно в больших масштабах и острее обличали русского человека и русское общество.)

Тревога за будущее многострадального народа — это тема статьи «Аводим хоину» (др.-евр. «Рабами были мы»), опубликованной в 1917 г. в том же журнале, вероятно, в связи с событиями Февральской революции и подписанием Декрета о равноправии всех национальностей (от 21 марта). Основная мысль Выготского — не поддаваться ажиотажу националистически настроенных политиков, предупредить об опасности манипулирования общественным сознанием. «Народ больше, чем партия; история — чем политика; религия и миропонимание — чем программа» [2, с. 104]. Выготский резко выступает против лозунга превратить народ в партию, идеологического его закабаления: «политики должны подчиниться народной воле, а не подчинить ее» [там же, с. 105]. Содержание статьи не оставляет сомнений в том, что ее автор не просто идентифицируется с еврейским народом, он глубоко переживает его трагическую историческую судьбу, предчувствует будущие опасности и пытается выразить его интересы.

Таким образом, мотив защиты от антисемитизма вполне вероятен, но мы не можем утверждать, что он был единственной детерминантой решения сменить отчество. По-видимому, нельзя исключить в качестве дополнительного еще один мотив — несоответствие этимологического значения первого отчества тому трагическому чувству жизни (личной и народной), которое было характерно для Выготского. Здесь я опираюсь на довольно уверенное суждение С.Ф. Добкина, дружившего с Выготским с гимназических лет и до смерти последнего: «Его мировоззрение, конечно, было трагическим, но в то же время заставляющим не останавливаться на каком-нибудь трагическом выводе, а продолжать искать» [4, с. 70].

Вторая проблема, как сказано выше, заключается в том, что факт смены отчества остался незамеченным в литературе о Выготском. Трудно поверить, что это произошло только потому, что данный факт посчитали незаслуживающей внимания деталью. Опровержение этому можно усмотреть в том обстоятельстве, что биографы не забывают упомянуть, какие были параллельные имена или прозвища у членов семьи Выгодских. С.Ф. Добкин, в частности, сообщает, что домашние и друзья детства называли Льва Семеновича по имени Беба. И это не единственный пример внимания к индивидуальной антро-

понимике. Как же в таком случае объяснить факт игнорирования? Можно предположить, что основную роль здесь сыграло явление, известное в психологической литературе как «перцептивная установка»: все настолько привыкли читать, слышать и произносить одно отчество, что другого просто не «видят», когда оно попадает на глаза. Для проверки правдоподобности этого объяснения мною проведен небольшой эксперимент, в котором в качестве испытуемых выступили студенты-психологи первого курса университета «Дубна». Эксперимент проводился в конце первого семестра. О Выготском студенты слышали еще крайне эпизодически.

Эксперимент состоял из двух этапов. На первом этапе (выработка установки) экспериментатор в течение 10 минут знакомил всю группу испытуемых с некоторыми фактами из биографии Выготского. В этом выступлении примерно 7 раз произносились всем известные личное имя и отчество Выготского. На втором этапе (тестирование установки) студенты по одному входили в аудиторию, где им предлагалось громко и четко прочитать первые три строки Удостоверения об окончании гимназии (последним читаемым словом как раз было отчество — Симхович).

Результаты эксперимента вполне подтверждают выдвинутое объяснение. Из 18 студентов 12 человек (т. е. $\frac{2}{3}$) прочитали «Семенович». Из оставшихся 6 человек правильно, хотя и с большим трудом, прочел отчество лишь один испытуемый. Некоторые из испытуемых, дойдя до отчества, на некоторое время (до 1 минуты) как бы теряли дар речи и с трудом «выдавливали» из себя, как правило, неверный вариант. Таким образом, можно сделать вывод: если достаточно сильная установка, искажающая чтение слова, вырабатывается в течение 10 минут, то, несомненно, значительно более сильная установка формируется у людей, которые на протяжении многих лет слышат, читают или произносят только один известный вариант отчества Выготского.

3. Проблема фамилии

Что можно сказать о фамилии Выготского с точки зрения традиционной антропонимики? Фамилия «Выгодский» производится от названия населенного пункта «Выгода» [8, с. 28]. У восточноевропейских евреев фамилии, образованные от названий населенных пунктов (топонимов, точнее ойконимов), составляют сравнительно высокий, 15–20, процент [3, с. 67]. Отмеченная закономерность согласуется со случаем фамилии «Выгодский». Более того, В.А. Никонов отмечает, что на карте современной Украины имеется 11 селений с таким названием, а, как свидетельствуют подсчеты, доля украинских топонимов, внесших свой вклад в ашкеназскую антропонимию, самая высокая — 45% [3, с. 47].

Об этимологии интересующей нас фамилии сообщается следующее: «Первоначально означало прибившего из местечка *Выгода* (русское, польское, украинское — «удобство, польза»). В топонимах это слово означало местность, удобную для поселения. (...) Таким образом, фамилия не происходит непосредственно из русского нарицательного слова *выгода*» [8, с. 28]. Последнее утверждение заслуживает особого внимания, поскольку оно подтверждает мнение самого Льва Семеновича, о чем писала его дочь (см. далее).

Известно, что примерно в начале 1920-х гг. Лев Выгодский изменил в своей фамилии одну букву. Весьма вероятно, что это случилось в 1923 г., ибо есть документ этого года — Удостоверение преподавателя психологии и зав. Психологического кабинета Гомельского педагогического техникума от 8.11.1923, который воспроизводится в книге Выгодской и Лифановой [1, с. 64], где уже имеются все изменения; в то же время свои публицистические статьи в 1923 г. он еще подписывал старым способом (см.: [1, с. 393–394]).

Гита Львовна следующим образом комментирует это событие: «Так, в молодости он задумался о происхождении своей фамилии, семьи, своего рода. Он изучил этот вопрос и докопался до истины. Он доказывал своему отцу, что фамилия их пишется неправильно, что происходит она не от слова «выгода», а от названия маленького местечка в Белоруссии, откуда вышел их род, и потому должна она писаться через «Т» — ВЫГОТСКИЙ. Именно так написанной, ее теперь знает весь мир» [1, с. 233; см. также 12, р. 4].

К сожалению, мы не знаем, на каких источниках Гита Львовна базирует свою версию. По чисто формальным причинам она вызывает ряд сомнений. Одно из них прямо связано с вышеприведенной точкой зрения антропонимики — есть много мест с названием «Выгода», а не «Выговова». (При этом Выготский действительно прав, отвергая связь с нарицательным словом «выгода»!) Другое сомнение состоит в очевидном противоречии: если Лев Семенович «докопался до истины», то почему же его примеру не последовали члены нуклеарной семьи?

Другое объяснение дает А.А. Леонтьев [5, с. 14]: Выготский опасался, что его литературно-критические статьи будут путать со статьями его двоюродного брата, поэта, переводчика, филолога-испаниста Д.И. Выгодского. Никаких доказательств А.А. Леонтьев не приводит, но можно допустить, что такое объяснение дошло до него через отца, А.Н. Леонтьева, который был ближайшим коллегой Выготского и что-то подобное мог узнать из первых рук.

Я не собираюсь отвергать и подвергать сомнению указанные версии. Этого не потребует, если в данной проблеме провести различие между мотивировкой и мотивом. Мотивировок может быть много, они могут быть правдивы и убедительны, но главная правда заключена в мотивах, о которых не всегда уместно распространяться. Мотивировка иногда со-

знательно используется для маскировки мотива. Приведенные выше объяснения, на мой взгляд, являются мотивировками и не отражают реальные мотивы, которые должны быть более сильными и лично значимыми. Их и следует искать.

Исходным поводом для исследования послужил не замечавшийся ранее (биографами Выготского) факт, состоящий в том, что существует еще одна историческая личность, в фамилии которой произошла очень похожая замена букв. Этой личностью является знаменитый христианский реформатор Мартин Лютер. Случайно ли это совпадение? Не скрывается ли за ним факт сознательной имитации? Проведенное расследование, как мне кажется, дало если и не сенсационные, то весьма любопытные и неожиданные результаты, которые могут представлять большой интерес не только для выготсковедения, но и для психологии развития творческой личности.

Нельзя, наверное, отрицать, что молодой Выготский имел не только выдающиеся способности, но и мощный заряд честолюбия. Вполне естественно, что его могли привлекать великие личности. И хотя его сравнивают с Моцартом, сам он, скорее (и в глубине души), признал бы сравнение с другой исторической фигурой — Мартином Лютером. Однако в данном случае выбор личностного образца, идеала нельзя свести к тривиальной модели: мол, мечтал прославиться как Лютер и восхищался его личными качествами. В действительности, честолюбие и восхищение здесь играли, если вообще играли, второстепенную роль. Решающее значение для выбора имеет принцип сходства: при прочих равных условиях, образцом становится тот, в ком мы открываем больше черт сходства с собой, с кем мы чувствуем родство душ и судеб, но еще более — на кого мы можем опереться в трудные минуты жизни. Перейду к фактической стороне.

В 1917 г. исполнилось 400 лет с начала Реформации, и, возможно, под влиянием этой великой даты Выготский обратил особое внимание на некоторые биографические данные М. Лютера. Излишне доказывать, что у многих людей существует произвольная склонность регистрировать всякого рода особенности, которые их объединяют с другими людьми. Для иллюстрации склонности к самоотнесению приведу одну фразу из дневника известного советского антрополога Я.Я. Рогинского: «Убийца Пушкина Дантес умер в 1895 г. (83 лет), т. е. в год моего рождения» [9, с. 120]. Примечательно, что эта ремарка о совпадении года смерти Дантеса и года рождения Рогинского логически не связана с контекстом, это — побочная ассоциация, свидетельствующая о чуткости автора дневника к потоку собственного сознания.

С самого начала Выготский мог бы заметить следующие черты сходства между собой и Лютером: 1) оба родились в ноябре; 2) были вторыми по порядку рождения в своих семьях; 3) переехали в младенческом возрасте из одного города в другой;

4) учились на юридическом факультете (Лютер, правда, очень недолго); 5) оба имели право преподавать психологию. Кроме того, 6) следует напомнить, что виртуально их связывал между собой шекспировский Гамлет, который, по воле автора, учился в Виттенберге, где реально преподавал Лютер и откуда началась история лютеровской Реформации. Дело в том, что в 1915—1916 гг. Выготский написал глубоко оригинальное сочинение «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира», представленное им в качестве дипломной работы в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского, где Выготский учился параллельно с учебной на юридическом факультете Московского университета. Позднее Выготский продолжил разгадывание «трагедии трагедий» в восьмой главе «Психологии искусства» (работа написана в 1925 г.).

Однако решающую и роковую черту сходства (седьмую, если продолжать начатый список) Выготский получил возможность открыть не раньше 1919 или 1920 г. К этому времени умерли от болезни два его родных брата [1, с. 46]. Не вызывает сомнений, что это был жестокий удар судьбы, для переживания последствий которого необходимо было найти опору, в частности некий исторический пример того, как можно жить и не сломаться с такой трагической судьбой. Поразительно, что аналогичное потрясение примерно в том же возрасте, но на 400 лет раньше, имело место в жизни Мартина Лютера [10, с. 167].

Думается, что перечисленных совпадений вполне достаточно, чтобы Выготский почувствовал мистическую идентичность судеб. Помимо чисто формальных совпадений Выготский, вероятно, понимал, что его с Лютером объединяет трагическая судьба и трагическое мировоззрение. С этой точки зрения изменение в правописании фамилии могло иметь символический смысл — добровольного признания такой судьбы и еще большего усиления сходства с М. Лютером, который, несомненно, воплощает образец активного преодоления (копинга, как сказали бы специалисты по стрессу) жизненного кризиса, действия ради высоких сверхличных целей и мужественного отстаивания своих убеждений. Отсюда становится ясно, что изменение фамилии для Льва Семеновича имело глубокий личностный смысл и ему не было нужды навязывать его своим родственникам (никто из них не последовал его примеру, что является вполне оправданным в свете рассматриваемой гипотезы). Три факта в подтверждение этой гипотезы можно найти в переписке Выготского (см.: [1, с. 166, 169]), включая и письмо А.Н. Леонтьева Выготскому [6], из которого мы взяли слова для эпиграфа к этой статье. В двух опубликованных письмах к своим коллегам, нуждающимся в моральной поддержке, Выготский цитирует (причем по-немецки) знаменитую фразу Лютера: *Hier stehe ich (На том стою)*. Если данная гипотеза верна, то сравнение Выготского с Лютером будет больше, чем литературный прием.

Литература

1. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. М., 1996.
2. *Выготский Л.С.* // Л.С. Выготский: Начало пути. Ранние статьи Л.С. Выготского. Иерусалим, 1996.
3. *Гиль П.* «Еврейская география» и ее отражение в фамилиях ашкеназских евреев // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1993, № 2.
4. *Добкин С.Ф.* // Выготский Л.С.: начало пути. (Воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском. Ранние статьи Л.С. Выготского.) Иерусалим, 1996.
5. *Леонтьев А.А.* Л.С. Выготский. М., 1990.
6. *Леонтьев А.Н.* Письмо Л.С. Выготскому // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1.
7. *Никонов В.А.* География фамилий. М., 1988.
8. *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.
9. *Рогинский Я.Я.* // Яков Яковлевич Рогинский: человек и ученый. М., 1997.
10. *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое и историческое исследование. М., 1996.
11. *Toulmin S.* The Mozart of Psychology //The New York Review. 1978. September. № 28, p. 51–57.
12. *Veer R. Van der, Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A Quest for synthesis. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1991.

L.S. Vygotsky and His Name

B.G. Meshcheryakov

Ph. D. in Psychology, professor at the Dubna International University of Nature, Society and Man

Two mysteries of the L.S. Vygotsky's patronymic and family names are discussed in the article. His former patronymic name «Simkhovich» was substituted for «Semionovich», and his family name «Vygodsky» was substituted for «Vygotsky». The motives of the replacement are analyzed. Both substitutions were made between 1917 and 1924. The attention was paid to some coincidences in biographies of Martin Luther and Lev Vygotsky that could draw the latter's attention. The author hypothesized and proved that the letter's substitution in the family name could be explained by an attempt of Vygotsky to overcome his internal crisis connected to the tragic family events. The author heeds the life of an outstanding scientist. He got the conclusion that the more potentiality a creative personality possesses, there are less chances to interpret his activity by an insufficient context limited by family, confession, coevals, etc.

Keywords: Lev Semionovich Vygotsky, personality's context, psycho biographical anthroponomy, anti-Semitism, Martin Luther.

References

1. *Vygotskaya G.L., Lifanova T.M.* Lev Semenovich Vygotskii. M., 1996.
2. *Vygotskii L.S.* // L.S. Vygotskii: Nachalo puti. Rannie stat'i L.S. Vygotskogo. Ierusalim, 1996.
3. *Gil' P.* «Evreiskaya geografiya» i ee otrazhenie v familiyah ashkenazskih evreev //Vestnik Evreiskogo un-ta v Moskve. 1993. № 2.
4. *Dobkin S.F.* // Vygotskii L.S.: nachalo puti. (Vospominaniya S.F. Dobkina o L'Ve Vygotskom. Rannie stat'i L.S. Vygotskogo.) Ierusalim, 1996.
5. *Leont'ev A.A.* L.S. Vygotskii. M., 1990.
6. *Leont'ev A.N.* Pis'mo L.S. Vygotskomu // Psihologicheskii zhurnal. 2003. T. 24, № 1.
7. *Nikonov V.A.* Geografiya familii. M., 1988.
8. *Nikonov V.A.* Slovar' russkih familii. M., 1993.
9. *Roginskii Ya.Ya.* // Yakov Yakovlevich Roginskii: che-lovek i uchenyi. M., 1997.
10. *Erikson E.G.* Molodoi Lyuter. Psihoanaliticheskoe i istoricheskoe issledovanie. M., 1996.
11. *Toulmin S.* The Mozart of Psychology //The New York Review. 1978. September. № 28, p. 51–57.
12. *Veer R. Van der, Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A Quest for synthesis. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1991.